

Роза
Хуснутдинова

Сестричка- плотвичка

223

АЛЁША проснулся от ощущения какой-то тяжести, навалившейся на него. Открыл глаза и увидел папину руку, большую, загорелую, с тёмными волосками на локте, лежащую у него на груди. Алёша обеими руками приподнял тёплую папину руку, осторожно положил рядом с собой, папа во сне вздохнул и перевернулся на бок. Теперь Алёша видел близко его затылок с коротко стриженными тёмными волосами, похожими на колючки ежа и могучую шею, переходящую в широкие плечи. Алёше захотелось подёргать за волосы, пощекотать папину шею, но потом он решил, что будить не стоит, пусть папа сам проснётся.

На столе стояла ваза с белыми флоксами, от цветов хорошо пахло. Это, наверное, мама утром поставила их сюда. Было слышно, как на кухне она наливает из ведра воду, зажигает спички. Потом зашумел газ. Вчера вечером она обещалась испечь на завтрак блинчики.

Алёша скосил глаза в окно. Солнце стояло уже высоко.

Папа заворочался, повернулся к Алёше и шумно вздохнул.

– Ну что, Алёшка, проспали мы с тобой рыбалку? Проспали. Ну, пойдём, искупаемся...

Он встал, накинул на плечи махровое полотенце, висевшее на стуле, и затопал на крыльцо.

Алёша побежал за ним. На улице было уже жарко. Папа с криком «ух!» с разбега бросился с мостков в воду, исчез, а потом вынырнул и, широко взмахивая руками, поплыл к камышам, окружавшим островок с ивами, с лохматыми гнёздами, качающихся на верхних ветках деревьев.

– Плыви за мной! – обернувшись, крикнул папа.

Алёша, беспорядочно взмахивая руками, поплыл за ним, вода была теплой, чем вчера, и плыть было приятно и совсем не страшно.

Папа повернул обратно.

– Устал?

– Нет! – выплюнул Алёша воду изо рта. – Пап, я кит!

И опять с шумом выплюнул воду вверх.

Поплыли к берегу. Над водой пронеслась чайка, резко спикировала в воду,

подхватила сверкнувшую на солнце рыбёшку, унеслась в сторону острова.

Потом Алёша заметил коршуна, летящего вдоль кромки берега. Коршун кричал протяжно, устрашающе.

– Пап, почему он так кричит? – Алёша смотрел на коршуна, снижающего траекторию полёта над камышами.

– Хищник, увидел свою жертву, – сказал папа.

– Жертву? – переспросил Алёша.

– Ну, какую-нибудь мелкую птичку, – пояснил папа.

– Пап, давай поживём на острове, в шалаше, разожжём костёр, будем как Робинзоны, – предложил Алёша.

Это он вспомнил, как в начале лета сооружали на острове шалаш из сухих веток, как жгли костёр, как к ним приезжала на лодке мама, привозила обед.

– Сегодня не получится, – сказал папа. – Во-первых, тебе надо почитать книжку, вечером будешь писать с мамой диктант. Во-вторых, к нам сегодня придет гостья.

– Тётя Надя? – обрадовался Алёша.

– Нет, с моей работы, Алевтина Ивановна, ты её не знаешь.

И папа повернул к берегу.

После завтрака порыбачили с лодки. Сначала папа поймал леща, в ладонь величиной, потом – второго, Алёша вытаскивал плотвичку, страшно обрадовался – так запрыгал в лодке, что она чуть не перевернулась. Папа помог ему снять рыбку с крючка. Алёша смотрел на извивающуюся, сверкающую на солнце рыбёшку с папин палец толщиной.

– Пап, она маленькая, давай её обратно отпустим, – сказал он.

– Ну и что, что маленькая, на уху сгодится, – ответил папа.

Весь улов, а папа поймал ещё и окуня, сунули в полиэтиленовый пакет с водой, положили под кустиком смородины, мама обещала на ужин сварить уху.

Потом Алёша с папой и мамой смотрели, как Катенька, вся розовая, распелёнутая, лежит на простынке и гукает, бессмысленно тараща глазки, мама сгибала ей ручки, ножки, делала с ней гимнастику.

– Мам, она всё время спит! Когда она будет со мной разговаривать? – нетерпеливо спрашивал Алёша.

– Может, через годик, – довольно улыбаясь, отвечала мама.

Алевтина Ивановна приехала на дачу после обеда. Она появилась из соснового лесочка на дорожке, ведущей со стороны станции. Она была в голубом платье в мелкий цветочек, в белой, слегка сдвинутой на затылок панаме, из-под которой выбивались рыжеватые завитки волос, в очках в тёмной оправе, в одной руке несла плетёную сумочку, в другой портфель.

– А вот и Алевтина Ивановна, – сказал папа и стал натягивать на плечи рубашку.

– Заставил секретаршу работать в выходной? – спросила мама, укачивая поставленную среди грядок коляску с Катенькой.

– Мне нужно вычитать доклад перед завтрашним заседанием, – ответил папа. – А Алевтине Ивановне неплохо побывать за городом, дачи у неё нет. Ну, пойду встречать...

И папа направился к калитке и шагал по песчаной дорожке навстречу гостье, растерянно вглядывающейся в номера дачных домиков, увитых плющом, вьюнком, всякими декоративными растениями.

Через минуту сопровождаемая папой, держащим в руке портфель, Алевтина Ивановна вошла на участок и остановилась, увидев клумбы с розами.

– Ой, какие красивые! – прошептала она.

– Нравится? – подошла к ней мама. – А за домом, с той стороны у нас хризантемы, можете пройти, посмотреть... Попробуйте малину. Алёша, покажи Алевтине Ивановне, где у нас малина.

– Спасибо, мне надо домой, – замолчала головой Алевтина Ивановна, – я только бумаги Дмитрию Дмитриевичу привезла...

– Ну почему? – пожал плечами мама. – Раз Дмитрий Дмитрич заставил вас по жаре ехать сюда... Передохните, электричка в город будет часа через три.

Алевтина Ивановна с сумочкой в руках стояла и смотрела на коляску, в которой лежала и почмокивала во сне Катенька в белом кружевном капоре.

– Катенька, – пояснила мама. – Ей пять месяцев... Ой, опять комар на щёчку сел... Сколько раз говорила Дмитрию, чтобы сделал марлевый полог над коляской.

И замахала руками, отгоняя комара.

Из дома вышел папа, уже без портфеля, зато с тарелкой, наполненной отборной малиной, эту малину Алёша собирал вчера «на варенье».

– Прошу! – поднёс папа тарелку гостю.

– Спасибо, но мне надо в город, – замотала головой Алевтина Ивановна, – на электричку.

Голос её звучал тревожно.

– Никаких электричек! – весело возразил папа. – Посидите у реки, позагорайте, а я пока прочту доклад, сделаю поправки, вечером провожу на электричку. Отдыхайте, купайтесь....

– Да у меня и купальника нет, – растерянно ответила Алевтина Ивановна, не выпуская из рук сумочки. – Я не собиралась...

– Давайте вашу сумочку, – папа решительно взял из её рук сумочку, повёл к берегу. – Садитесь на брёвнышко. Ешьте малину, любуйтесь видом, я быстро прочту...

И папа деловой походкой зашагал к дому.

Алевтина Ивановна покачала головой, обернулась и увидела на дорожке маму.

Мама стояла и укачивала на руках Катеньку.

– Есть вечерняя электричка, часов в семь, на неё успеете, – сказала мама. – Ну, пойду закатывать варенье...

И тоже ушла в дом.

Алевтина Ивановна стала смотреть на реку, на летающих у берега с криками чаек. Потом повернула голову назад и увидела Алёшу, срывающего с кустика малину.

– Тебя как зовут? – спросила она, щурясь от солнца.

– Алёша.
– Уже ходишь в школу?
Алёша кивнул.
– Учишься хорошо?
– По-русскому тройка. Мы диктанты пишем. Папа говорит, если буду писать диктанты, стану грамотным.

Алевтина Ивановна опять посмотрела на реку, на зелёный островок с ивами, с летающими над камышами птицами, вздохнула. – Хочешь позаниматься? Тетрадка, ручка у тебя есть?

Алёша сбегал в дом, принёс тетрадку и ручку.

– Садись, – Алевтина Ивановна показала на столик со скамейкой, на этом потемневшем от дождей, рассохшемся столике мама обычно сушила нарезанные яблоки.

Алёша сел за стол, раскрыл тетрадь. – «Ночевала тучка золотая на груди утёса-великана», – медленно, распевно, по слогам произнесла Алевтина Ивановна. – Ну как, успеваешь?

– Ага. Вы как учительница диктуете, – сказал Алёша, поскрипывая ручкой по листу.

– Утром в путь она умчалась рано, по лазури весело играя», – продолжала Алевтина Ивановна.

– А я и была учительницей, – добавила она тихо.

Алёша поднял глаза. Алевтина Ивановна сняла очки и сидела теперь, близоруко щурясь, ссутулившись, почему-то перестала быть такой же красивой, как тогда, когда появилась на участке. На её незагорелой шее пульсировала жилка.

– Написал? – повернулась она к Алёше и ладонью вытерла щёку.

– «Но остался влажный след в морщине старого утёса. Одиноко...» – продолжала она диктовать дрожащим голосом.

– Вы плачете? – удивился Алёша, перестав скрипеть ручкой по листу.

– В глаз что-то попало, – махнула рукой Алевтина Ивановна и продолжала диктовать медленно, напевно, по слогам. – «Он стоит, задумался глубоко, и тихонько плачет он в пустыне». Написал? Покажи.

Алёша подошёл к ней, протянул тетрадь.

Алевтина Ивановна, щурясь, склонилась над ней.

– Комар! – вскрикнул Алёша и изо всей силы хлопнул по полной мягкой руке Алевтины Ивановны.

Сразу испугался:

– Больно?

Алевтина Ивановна засмеялась, обняла его, прижала к себе.

– Не больно... Теперь посмотрим, какие у тебя успехи... Ну, знаки препинания пропускаем, этого ты ещё не проходил... а вот грамматика... Не «залатая», а «золотая», пишется через «о», можем вспомнить слово «золото»...

– Алёша! – крикнула из окна мама. – Ты что делаешь?

– Диктант пишу! – крикнул в ответ Алёша.

– Сбегай к Григорьевым, попроси у них крышки для банок, металлические, штук десять. Скорей!

Алёша вопросительно взглянул на Алевтину Ивановну.

– Беги, – кивнула она.

Пока Алёша добежал до Григорьевых, и Димкина мама искала крышки для банок, пока Димка показывал починенный велосипед, и они с гиканьем прокатились до самого края посёлка, до соснового леса и обратно, прошёл час. И когда Алёша вбежал домой и бросил на кухонный стол полиэтиленовый пакет с крышками, мама покачала головой:

– Тебя только за смертью посылать. Я уже достала крышки, у Ляпиных, отнесёшь Григорьевым обратно. Попозже...

– Алёша, ты? – раздался из соседней комнаты папин голос, и он появился на пороге, потягиваясь и жмурясь.

– Зачитался, – сказал он, мотая головой, – голова разболелась. Пойду порыбачу немножко.

– Ты лучше дочитай бумаги и отпусти человека, – сказала мама, перепелёная Катеньку во всё чистое.

– Дочитаю, дочитаю, уже мало осталось, – пробурчал папа, снял с гвоздя соломенную шляпу и вышел из комнаты.

– Алёша, – позвал он с улицы. – Накопай мне червяков возле бани.

Алёша нашёл пустую консервную банку, побежал к бане, на противоположный конец участка. Здесь, возле бани, земля была влажной. Алёша долго ковырял ножичком, пока не откопал штук пять длинных, извивающихся червей. Побросал в банку и прибежал на берег.

Папа сидел в лодке, за камышами, держал в руке удочку. На корме лодки, низко опустив голову, сидела Алевтина Ивановна.

Алёша остановился, услышав её дрожащий голос.

– Отпустите меня, Дмитрий Дмитрич, – сказала она прерывающимся шёпотом. – Не могу я так..

– Нет! – резко ответил папа. Голос у него был недовольный, сердитый.

– Пап, я накопал червей, – вышел на берег Алёша. – Ты поймал что-нибудь?

Он спустился к воде, прыгнул на нос лодки и очутился рядом с папой.

На дне лодки лежали две маленькие рыбки.

– Окунь и плотвичка? – стал разглядывать их Алёша.

– Да, плотвичка, сестричка той, что утром поймали. Иди, брось их в тот пакет..

– Алевтина Ивановна, а хотите, я покажу вам остров, у нас там шалаш, мы с Алёшей строили, – улыбаясь, сказал папа.

Алёша удивлённо взглянул на него. Он-то думал, что шалаш – это для него с папой! А, оказывается, он хочет показывать его и другим людям.

– Мне нужно домой, – резко поднялась с места Алевтина Ивановна и стала пробираться к носу лодки. Покачнувшись, ухватила за руку Алёши, и оба чуть не свалились за борт.

– Да держитесь вы за меня! – сердито закричал папа и схватил Алевтину Ивановну за локоть.

Выбрались втроем на берег. Папа продолжал держать Алевтину Ивановну за локоть.

– Пап, так же больно! – упрекнул

Алёша, глядя на покрасневший локоть Алевтины Ивановны.

Папа, наконец, выпустил её руку, отошёл в сторону.

– Куда вы торопитесь? – сердито сказал он. – Сейчас дочитаю доклад и провожу вас на станцию.

– Не надо, не надо меня провожать! – задыхающимся голосом выкрикнула Алевтина Ивановна.

Папа закурил.

– Ну, как хотите, – пробормотал он, ни на кого не глядя. – Идите, куда хотите..

Алевтина Ивановна повернулась, торопливо ушла в дом. Через секунду вышла оттуда с плетёной сумочкой в руке, кивнув Алёше, быстрым шагом направилась к калитке.

Папа смотрел ей вслед. Потом пошёл следом и тоже исчез за калиткой.

Алёша направился к лодке. Поднял рыбок с дощатого дна, вытащил на берег. Нашёл под кустом смородины пакет с пойманными утром рыбами, бросил туда новеньких.

Из дома вышла мама. – Где папа?

– Алевтина Ивановна ушла на станцию, папа пошёл её провожать.

– Ну, хорошо, – вздохнула мама, – иди, помоги купить Катеньку.

Катенька, голенькая, сидела в тазу и плескалась. Мама придерживала её одной рукой за спинку, второй рукой, в которой держала мягкую розовую губку, водила по животу, по ручкам, ножкам Катеньки. Алёша поливал из большой кружки, Катенька пищала, отфыркивалась, смеялась, Алёша опять развеселился.

– Мам, ей нравится купаться, она совсем не плачет, – засмеялся он. – Может, скоро с нами в реке купаться сможет.

Мама вытерла Катеньку полотенцем, уложила в кровать, легла рядом с ней.

Алёша пошёл отнести Григорьевым крышки от банок. Потом стали играть с Димкой в бадминтон.

Алёша изо всей силы стукнул ракеткой по волану, и тот залетел на высокую сосну у самой дороги.

– Ну, теперь доставай! – ухмыльнулся Димка.

Алёша полез за воланом вверх. Он взбирался по шершавому, пахнущему сосновыми иголками стволу и смотрел вокруг. Отсюда, сверху, был виден весь посёлок. Река, по которой плыла на вёслах лодка, белая цапля, стоящая на одной ноге у кромки берега, серебристая легковая машина на дороге. И вдруг Алёша увидел папу, тот выходил из соснового леса. Папа шёл и обнимал за плечи Алевтину Ивановну. Алевтина Ивановна отстранялась, шлёпала панамкой по папиному лицу, плечам, но он не отпускал её, тянул и тянул к себе. А потом оба завернули за домик сторожа, это был последний дом посёлка.

Алёша молча спустился вниз, подал волан Димке. – Не хочу больше играть.

Димка удивлённо смотрел на него. – Ты чего?

– Ничего, – сказал Алёша, отворачиваясь.

И побежал на свой участок.

Папа вернулся домой поздно вечером.

– Электричка запоздала, – пробормотал он, снимая с головы шляпу, – пришлось подождать.

– Да. Только твой доклад остался на столе, – сказала мама, не выходя из своей комнаты.

– Ну, что ж, прочту так, как есть, ничего страшного, – небрежно произнёс папа.

– Одно и то же, – сказала мама устало. – Секретарша Люба, Маша, теперь Алевтина Ивановна...

– Не преувеличивай, – пробурчал папа, разделся и лёг рядом с Алёшей.

Алёша лежал с закрытыми глазами, будто спит.

В соседней комнате захныкала Катенька.

Было слышно, как мама поднялась и стала укачивать скрипучую кровать, потом наступила тишина.

А потом послышались звуки, будто кто-то всхлипывает в темноте.

Алёша приподнялся на кровати, спросил шёпотом. – Мам, ты плачешь?

– Нет, насморк, – ответила мама, тоже шёпотом, и затихла.

Папа пошевелился, рука его дотянулась до Алёши и опустилась ему на грудь.

Алёша лежал немного, потом обеими руками приподнял тяжёлую папину руку и переложил её подальше от себя. Папа не проснулся. Только перевернулся на бок, и Алёша увидел в лунном свете короткие тёмные волоски на его затылке. Алёше захотелось дёрнуть их. Он дёрнул. Папа только пошевелился, а потом опять захрапел, зачмокал во сне губами.

Алёша лежал ещё немного, приподнялся, дотянулся носками до пола, на цыпочках пробрался на крыльцо. На улице было почти светло. Луна на тёмно-синем небе была закрыта тучкой, края её светились.

«Ночевала тучка золотая...», – вспомнил Алёша.

Он пошёл к кустам смородины, нагнулся, пошарил в темноте рукой, нащупал пакет с рыбами. Поднял пакет и пошёл к мосткам. Над рекой стлался туман, у самого берега воду было хорошо видно. Алёша заглянул в пакет. Рыбки в нём казались совершенно неподвижными. Алёша встряхнул пакет, опрокинул содержимое в реку, рыбки с тихим бульканьем ушли на дно, а потом всплыли и безвольно закачались на воде. Алёша постоял, подождал. Ему хотелось, чтобы рыбки очнулись, чтобы они поплыли по водной глади, чтобы образовался видимый волнистый след. Ему хотелось думать, что рыбки ещё живы и что они могут уплыть в таинственную, бескрайнюю, полную водорослей, мальков, ужей, других рыб ночную реку.